

© 2003 г. В.В. АЛЕКСЕЕВ, Е.В. АЛЕКСЕЕВА*

РАСПАД СССР В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИМПЕРСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Постановка проблемы

Распад великой державы современности – Союза Советских Социалистических Республик – явился одним из важнейших событий всемирной истории конца XX в. Его активно комментируют общество, политики, ученые. Почему рухнула страна, в которой развивались производство и наука, работала разветвленная система социального обеспечения, граждане бесплатно получали новые квартиры и давали образование детям, проводили отпуск на юге, страна, в которой не было нищеты и голода? Согласно различным социологическим опросам, о распаде СССР сожалеют три четверти всех россиян, причем показатель этот практически не меняется с течением времени¹. «Кто не сожалеет об этом, у того нет сердца», – сказал через 10 лет после ликвидации СССР Президент РФ В.В. Путин.

Последствия выбора, сделанного в начале 1990-х гг., теперь очевидны. Граждане, политики и ученые признают, что для большинства бывших советских республик распад СССР стал национальной катастрофой. Падение производства и уровня жизни, рост социальной дифференциации разрушили целостность общества. Некогда могучая держава развалена. Этнические конфликты, территориальные претензии и вооруженные столкновения стали удручающей повседневною. Шесть из пятнадцати бывших советских республик прошли через войны. За годы горбачевской перестройки, ельцинских реформ и последних преобразований на территории СССР возникло более 240 кровавых конфликтов и войн, общее число жертв которых, по подсчетам экспертов Государственной Думы, составило до 600 тыс. человек². Так что о мирном характере гибели советской империи говорить трудно. 10 лет деградации привели к сокращению доли России в мировой экономике почти в 10 раз – с примерно 6% в 1990 г. (доля СССР – около 9%) до 0.65% в 2000 г. Безвозвратная потеря технологического лидерства и целых научных школ лишила Россию возможности участвовать в мировой конкуренции, отбросила ее в положение страны «третьего мира». В целом по странам СНГ за 1992–2000 гг. валовой внутренний продукт сократился на 38%, объем промышленного производства – на 45, продукция сельского хозяйства – на 36, инвестиции в основной капитал – на 71%³. Упал культурный уровень, деформированы системы образования и здравоохранения, демографические показатели характеризуются отрицательными значениями.

Распад СССР и возникновение на его территории независимых государств нарушили политический баланс, сложившийся в мире во второй половине XX в., существенно повлияли на ход мирового интеграционного процесса, подбросив пороха в огонь десятков «горячих точек», расширив международные потоки вынужденной миграции, усложнив борьбу со всеми видами преступности. Общая нестабильность системы международных отношений резко возросла.

* Алексеев **Вениамин Васильевич**, академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН.

Алексеева **Елена Вениаминовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Так почему же все это произошло? В мировой историографии присутствует широкий спектр мнений, отражающих сложность и многомерность этого эпохального явления⁴, но нам представляется, что они еще не осмыслены до конца. Одни авторы излагают *хронологию* финального периода советской истории, не обращаясь к анализу цивилизационных причин и оценке всемирно-исторической значимости гибели супердержавы⁵. Своими публикациями они отвечают на вопрос: в силу каких конкретных причин и обстоятельств произошел распад СССР в декабре 1991 г.? Другие исследователи пытаются преодолеть этот *rag excellence* эмпирический подход, выходя за рамки событийных оценок и стремясь увидеть *глубинные причины* национальной катастрофы, понять ее значение для судеб Отечества и мира⁶.

Продолжая двигаться в русле такого подхода, кратко обозначим некоторые полярные позиции, присутствующие в современной историографии проблемы.

1. В объяснении краха СССР значительное место исследователи отводят *внутренним причинам*, несовершенству социальной организации коммунистически ориентированного государства. Многие пишут о «самораспаде СССР», утверждая, что кризис социалистической системы хозяйствования, стагнирующая плановая экономика и авторитарная политическая система обрекли его на гибель, что советская система изжила себя⁷. В этом «лагере» доминирует точка зрения, что конец империи – это во многом «заслуга наций» (прежде всего национальных элит), а СССР развалился как колониальная империя под влиянием центробежных сил, в результате внутреннего кризиса «имперской политики» и нараставшего национально-освободительного движения⁸.

2. Некоторые авторы акцентируют внимание на *внешних причинах распада страны*. Патриотически ориентированные публицисты указывают, что причины происшедшего – в предательстве правящей элиты, действовавшей под влиянием заинтересованных в распаде внешних сил. Уничтожение СССР было декларированной задачей лагеря, который целенаправленно использовал ослабление СССР, потерю геополитической бдительности, вырождение идеологии, дряхление элит, разложение правящей верхушки⁹.

Примечательно, что это объяснение высказывают и сами западные авторы. Американский исследователь П. Швейцер, основываясь на эксклюзивных интервью с К. Вайнбергером, Дж. Шульцем, Д. Пойндекстером, Р. Макфарлейном, В. Кларком и множестве документов, в деталях рассматривает, как секретная стратегия США, разработанная в Белом доме при Р. Рейгане в начале 1982 г., ускорила низвержение Советского Союза¹⁰.

3. *Водораздел между исследователями* также проходит по вопросу о *неизбежности гибели* Советского Союза. В своих публикациях они ищут ответ на вопрос: явилось ли это событие итогом «исторической необходимости» или стало результатом простого стечения обстоятельств, predetermined злой волей участников политического процесса? Некоторые из них убеждены, что кризис советского общества конца 1980-х гг. был *непреодолим* и, следовательно, с неизбежностью вел к распаду СССР¹¹.

4. Другие утверждают, что глобальные процессы *не вели с фатальной неизбежностью к гибели СССР*, учитывая тот факт, что Советский Союз сумел после потрясений и огромных людских и материальных потерь в первой половине XX в. не только выдержать в «холодной войне» более чем 40-летнее противостояние с крупнейшими высокоразвитыми странами капиталистического мира, но и добиться ощутимых его населением и признаваемых во всем мире успехов в социальном, культурном и научном развитии¹². Высказывается мысль, что это была случайность, обусловленная нездоровьем последних советских лидеров, не распад, а «развал», инициированный властной элитой. Особую роль в нем сыграла борьба за власть в высших эшелонах политического руководства страны, кульминаровавшая во враждебных отношениях между Горбачевым и Ельциным.

Поляризация мнений отражена и в массовом сознании: свыше 60% участников опроса общественного мнения, проведенного РОМИР, считали, что распада СССР можно было избежать, 25% полагали, что он был неизбежен¹³.

5. Наконец, *ценностная шкала оценок* варьируется от осуждения развала, ностальгии по великому прошлому до удовлетворения результатами свершившегося. Отражением первой позиции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 г. постановлений «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР"» и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Как известно, позднее нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первыми среди выдвинутых обвинений значились развал СССР и участие в Беловежских соглашениях, «которые привели народ и государство к катастрофе». Содеянное в Беловежской пуще осуждается как «самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства»¹⁴.

Л. Баткин, Ю. Буртин, Вяч.Вс. Иванов в газете «Демократическая Россия», напротив, объявили, что развал СССР «можно только приветствовать», и говорили об опасности «заявки на преобладающую роль России, малейших проявлений великодержавности». Разделяя эту позицию, некоторые исследователи апеллируют к историческим прецедентам: «Пример Австро-Венгрии показывает, что распад СССР в 1991 г. вряд ли можно считать негативным последствием горбачевских реформ. Если бы многонациональная держава сохранилась, и без того не простое осуществление экономических преобразований столкнулось бы с еще большими трудностями»¹⁵. Роспуск СССР оценивается как избавление от «насквозь прогнившего имперского альянса» или как спасение от потенциальной «полномасштабной национально-освободительной (или имперско-восстановительной) резни»¹⁶.

Конечно, имеются и другие мнения по поводу крушения СССР¹⁷, но нет возможности рассмотреть их все в краткой статье. Главную задачу мы видим в другом – попытаться теоретически осмыслить этот феномен¹⁸.

На наш взгляд, объяснение гибели Российской (советской) империи следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы *имперским и модернизационным* векторами. Обращаясь к России XVIII–XX вв., невозможно не заметить, что этот период ее истории отмечен разворачиванием двух необычайно важных процессов: имперского и модернизационного. Определяя суть первого из них, отметим, что в нашем понимании **империя** – это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным фактором. Главным выступает сущностное содержание – метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира. Как писал Ф.И. Тютчев, «Империя не умирает. Она передается». В этом смысле к империям, бесспорно, можно отнести и современное демократическое государство США, и канувший в Лету, традиционный в своей основе, социалистический Советский Союз. Таким образом, мы фиксируем историческую преемственность великой державы – Российской (советской) империи – и интерпретируем историю ее становления – расцвета – гибели в рамках единого имперского цикла.

Любая историческая эпоха есть результат ответа человеческого общества на те вызовы, которые ставит перед ним жизнь. Главным вызовом России в XVIII–XX столетиях стала **модернизация**, понимаемая как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity). Российские революции и застои, беды и победы являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому. Россия вошла в XX в. аграрной страной, а вышла индустриальной. Поэтому такое значительное событие, как **круше-**

ние одной из крупнейших империй современности, логично осмысливать в контексте модернизационного перехода.

Модернизация и жизненный цикл традиционной империи: от симбиоза к антагонизму

Если суммировать ключевые характеристики рассматриваемых понятий – империи и модернизации, то мы получим их следующие обобщенные характеристики.

Типичным набором признаков традиционной империи являются:

1. Авторитарное правление; сильная централизация; стремление к неограниченной гегемонии; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм;

2. Доминирование одной нации над другими; контроль имперского центра над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми в рамках полного или частичного подчинения силой; дифференциация уровней политического, экономического и культурного развития территорий (метрополии и колоний, центра и периферии); ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей;

3. Ведущая роль в формировании политики, ценностей и культуры эпохи; опора на традиционную легитимацию; универсальная политическая и культурная ориентация; религиозное или идеологическое сплочение; сакральный характер власти, осуществляемой без посредства промежуточных (между правителем и народом) органов и учреждений¹⁹.

В свою очередь, модернизационный переход предстает совокупностью таких суб-процессов, как индустриализация, урбанизация, демографический рост, эрозия традиций, бюрократизация, профессионализация, демократизация, диверсификация, плюрализм и т.д. В качестве критериев модернизации в различных областях общественной жизни выделяются:

1. В *экономике*: применение технологий, основанных на использовании научного (рационального) знания, высокоэффективных источников энергии; углубление разделения труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйств; развитие рынков товаров, капиталов и труда; растущие уровни производительности труда, а также промышленного и аграрного производства; увеличивающаяся доля промышленного (в противоположность аграрному) сектора в валовом национальном продукте; расходование на накопление как минимум до четверти валового национального продукта;

2. В *социальной сфере*: разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, в частности, разделение между обязанностями в общественном производстве, политике, семье; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смена социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности; вытеснение традиционной сословной элиты «новыми людьми»; высокая урбанизация; растущее равенство между полами и увеличение числа женщин, работающих вне дома и получающих зарплату; низкая смертность; позднее вступление в брак; невысокие темпы рождаемости и естественного прироста населения;

3. В *политике*: образование централизованных национальных государств и разделение властей; интеграция широких масс населения в политический процесс; формирование осознанных интересов различных общественных групп;

4. В *области культуры*: дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризация образования и распространение грамотности; развитие средств трансляции информации; утверждение ценностей индивидуализма; рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями²⁰.

Будучи сложнейшими историческими явлениями, оба процесса сосуществуют в многофакторной взаимосвязанной динамике, нередко, особенно на начальных этапах.

придавая друг другу мощные импульсы для дальнейшего обоюдного развития. В то же время теоретическая рефлексия убеждает в том, что традиционный имперский и модернизационный векторы по многим параметрам оказываются разнонаправленными. Антагонистами, оппозиционным напряжением между которыми динамизирует историю, выступают: авторитарность – демократия; зависимость – свобода; централизация – диверсификация; стремление к неограниченной гегемонии – высокотехнологичные механизмы сдерживания; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм – регионализация; ведущая роль одной из наций, ее стремление осуществлять контроль над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми силой, – самостоятельное развитие в рамках национальных государств; сохранение ярко выраженных этнокультурных особенностей – интернационализация и космополитизм; дифференциация уровней развития центра и периферии – тенденция к сглаживанию различий в уровнях развития; опора на традиционную легитимацию – эрозия традиций; религиозное или идеологическое сплочение – конфессиональный и идейный плюрализм; сакральный характер власти – рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями, интеграция широких масс населения в политический процесс.

Переходя от понятий к явлениям, рассмотрим, на каком этапе и при каких обстоятельствах модернизация становится катализатором развития российского общества, в конечном итоге уничтожившим традиционную империю. Позиционируя российский имперский цикл на шкале модернизации, сделаем это в соответствии с градациями, предлагаемыми ее ведущими исследователями. В.А. Красильщиков и др. выделяют три модернизации, разворачивавшиеся в мировом историческом процессе²¹. Адаптируя их применительно к России, авторы коллективного труда «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» пишут о доиндустриальной модернизации, раннеиндустриальной модернизации, индустриализации 1930–1940-х гг. и позднеиндустриальной модернизации²². Разумеется, история не однолинейна, и говорить об отдельных империях в рамках четко очерченных циклов создания, процветания, упадка, дезинтеграции и постимперского существования – упрощение. Тем не менее грубое деление эволюции империй на определенные стадии представляется эвристически полезным. Кратко (не разворачивая фактическую аргументацию), используя в качестве критериев лишь наиболее значимые политические, социальные и территориальные рубежи, имперскую и модернизационную эволюцию России можно представить в следующей динамике:

	<i>Доиндустриальная модернизация (XVIII – середина XIX в.)</i>
1. Появление предпосылок зарождения империи (середина XVI – первая четверть XVIII в.)	Опираясь на результаты укрепления Русского государства в ходе социально-экономического развития и территориальной экспансии второй половины XVI–XVII в. (к концу XVII в. оно занимало уже 15,5 млн кв. км), первый российский император Петр I заложил основу глубоких модернизационных реформ, охвативших все стороны жизни общества и способствовавших превращению страны в могучую державу. С одной стороны, политика российских самодержцев была традиционно нацелена на расширение и упрочение единого централизованного государства, объединяющего более сотни народов и десятки разнородных регионов под эгидой Православия и самодержавия. С другой стороны, в течение XVIII – первой половины XIX в., в большей или меньшей степени отвечая требованиям современности, в России были преобразованы государственное и административное управление, экономика, военное дело, Церковь, просвещение, культура, повседневная жизнь. Это позволило Российской империи сплотить под своим покровительством огромные земли в Европе, Азии и Америке и на равных играть партию в европейском концерте.
2. Официальное провозглашение Российской империи 22 октября 1721 г.	
3. Укрепление и восходящее развитие империи (1720–1760-е гг.)	
4. Расцвет империи (1770–1840-е гг.)	

*Кризис protoиндустриализации и развертывание
раннеиндустриальной модернизации
(вторая половина XIX – начало XX в.)*

5. Появление и нарастание кризисных явлений (середина XIX – начало XX в.)

Во второй половине XIX в. страна достигла пределов вмещения. Российская империя уже прошла стадии зарождения, возрастания и расцвета. В то же время стали ощутимы серьезные симптомы кризиса ее традиционной имперской системы, не отвечавшей требованиям современности. Он проявился в неудачах в Крымской, Русско-японской и Первой мировой войнах, в социально-правовых потрясениях основ российского бытия, связанных с отменой крепостного права (1861), последовавшими реформами (1860–1870-е), контрреформами (конец 1880 – начало 1890-х) и политическими катаклизмами конца XIX – начала XX в.

6. Провозглашение России республикой 1 сентября 1917 г. (клиническая смерть империи)

Эти события были вызваны борьбой старого и нового укладов, требованиями модернизации социальных, политических, экономических отношений внутри страны, а именно: развитием демократических требований в обществе, необходимостью создания неограниченного рынка наемного труда, ростом национального самосознания и стремлением к более широкой реализации региональных и политических интересов, эрозией традиционного мировоззрения, достижениями в научно-технической сфере, а также борьбой за мировое влияние с более продвинувшимися по пути модернизации странами Европы и США. Реформы Александра II явились ответом на кризис доиндустриальной модернизации, возникающий на первых этапах экономического роста, который не приобрел еще устойчивый характер, однако существенно расшатал традиционные структуры и использовал весь адаптивный потенциал, которым они обладали²³.

В конце XIX – начале XX в. царская Россия предприняла попытку индустриализации (*раннеиндустриальная модернизация*), однако война и революции не позволили ее завершить. В 1913 г. Россия по объему промышленного производства в 2,5 раза отставала от Франции, в 4,6 – от Англии, в 6 раз – от Германии, в 14,3 – от США²⁴. В промышленности и строительстве было занято только 9% населения, тогда как в сельском хозяйстве – 75%. Доля промышленности и строительства в национальном доходе составляла 29%, а сельского хозяйства – 54%²⁵. На данном этапе разворачивается драма российских революций, расшатавших и приведших к краху династической строй Российской империи. Начался процесс интенсивного распада империи: были потеряны Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, некоторые анклавы в Закавказье. Геополитическое влияние и экономическое значение государства в мире резко упало.

Индустриализация 1930–1940-х гг.

7. Реанимация империи (середина 1920 – середина 1930-х гг.)

Образование СССР в 1922 г. и дальнейшая стимуляция центростремительных процессов создали основу для восстановления положения великой державы. Движение в этом направлении стало возможным благодаря проведению сталинской индустриализации 1930–1940-х гг., которую можно рассматривать как продолжение раннеиндустриальной модернизации и решение ряда проблем позднеиндустриальной модернизации. Государство, находившееся на ранних стадиях промышленного развития, перешло к модели «импортзамещающей индустриализации, предусматривающей резкое увеличение роли государства в экономике и снижение роли рыночных стимулов»²⁶. Категоричная система идеологического сплочения и непререкаемая вертикаль власти, соединявшая столицу с окраинами, несмотря на огромные издержки, способствовала победе СССР во Второй мировой войне, в результате которой была существенно расширена сфера геополитического влияния новой советской империи.

8. Новый виток восходящего развития (середина 1930-х–1950-е гг.)

Позднеиндустриальная модернизация

9. Расцвет советской империи (1960–1970-е гг.)

В течение отечественной *позднеиндустриальной модернизации* 1950–1980-х гг. расширялись сферы применения механизированного, поточного производства, начался процесс соединения производительного труда с научным знанием в ходе научно-технической революции. Успехи на этом пути в совокупности с жесткой централизацией власти привели к серьезному укреплению позиций СССР на международной арене.

10. Появление и нарастание кризисных явлений (конец 1970-х–1980-е гг.)

Однако Советский Союз не преодолел основные барьеры на пути адаптации инноваций постиндустриальной эпохи в технико-экономической и социально-политической областях в отличие от многих других стран, устранивших эти препятствия на предшествующих этапах. Кризис ранней постмодернизации вызвал в советском государстве полномасштабную революцию, начавшуюся в середине 1980-х гг.²⁷ Новая социалистическая империя в очень короткий срок лишилась двух поясов защиты, в 1991 г. распалась, а ее несущий сегмент – Россия – оказалась в середине 1990-х гг. перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции. Произошло стремительное падение мирохозяйственной и мирополитической роли России (как правопреемницы распавшегося СССР).

11. 8 декабря 1991 г., после подписания Беловежских соглашений СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование

12. Утрата системообразующих признаков империи (1990-е гг.)

Таким образом, в истории Российской (советской) империи можно очень условно выделить большой (1721–1991) и два малых (1721–1917 гг. и 1917–1991) цикла. Доиндустриальная модернизация, сопряженная с первоначальным вызовом, брошенным патриархальному укладу современностью, появлением и консолидацией новой элиты, началом тектонических подвижек от традиционности к современности коррелирует с восходящим периодом имперской эволюции. Первый имперский цикл реализуется на последней стадии развития традиционного общества, являясь его «лебединой песней». Индустриальная модернизация страны – основа модернизационного перехода – оказалась «разорвана» на два этапа (до- и послереволюционный) социальным взрывом. «Запал» к нему, созданный из противоречий традиционного и нового, имперской формы государственной организации и требований современности, был ее же (модернизации) собственным производным, а под осколками чуть было безвозвратно не рухнула империя, основанная Романовыми.

Впустив современность в распахнутое в начале XVIII в. окно, имперская Россия в течение двух столетий переживала фундаментальный кризис традиционализма. Восстав Фениксом из пепла войн и революций, в новом имперском облике она просуществовала до 1990-х гг. Первый цикл занял около 200 лет, второй – менее 100. Финал оказался предсказуемым – все империи рано или поздно распадались под напором требований перемен в обществе, неспособном разрешить накопленный конфликтный потенциал традиционными способами. (Высшая и в значительной степени не оспаривавшаяся имперская власть Рима просуществовала также около трех столетий.)

Исчерпанность традиционной империи как исторического явления обусловлена прежде всего введением в действие новых, неимперских механизмов мондиализации, наиболее адекватно описываемых теорией модернизации. «В эпоху, когда эти механизмы начинают определять государственную политику, традиционная (средневековая) имперская система перестает быть основным "орудием" созидания мировой истории, что последовательно приводит любую империю к кризису идентичности, а затем к неминувшему распаду»²⁸. Кризис традиционной империи реализуется на фоне интенсивных технологических, социальных, ментальных подвижек, характеризующих этапы индустриальной и позднеиндустриальной модернизации. «Системная модернизация,

модифицирующая все стороны социальной действительности и приводящая к рождению качественно нового общества, влечет за собой, таким образом, крах империй...»²⁹

Возрождение империи в облике СССР переплетается с индустриальным и позднеиндустриальными этапами модернизации. *Империя СССР* была воссоздана на основе советской индустрии, став уникальным примером не только евразийской, но и синтетической традиционно-современной империи, своеобразное развитие которой, ее прорывы и провалы детерминировались геополитическими, культурно-историческими и социально-политическими реалиями XX в. Не сумев вписаться в постиндустриальный этап модернизации, социалистическая империя в очень короткий срок их лишилась и оказалась в начале 1990-х гг. в ситуации тотального социально-экономического, политико-административного и культурно-цивилизационного кризиса.

Историческая динамика развития СССР во взаимосвязи с процессами его модернизации и имперской эволюции

1. Восходящее развитие. Размышляя о причинах гибели СССР, сконцентрируем внимание на советском периоде имперской истории России. Наряду с внутренними неблагоприятными факторами ее развития (природно-климатическими, пространственными, региональными диспропорциями) действовали и внешние. Страна шла по пути модернизации в условиях, когда основные игроки на мировой политической сцене – ведущие государства Западной Европы и США – практически завершили свою модернизацию, разорвав сплетенный из традиционных запретов и условностей кокон средневековья, сковавший семимильную поступь материальной цивилизации Запада. Дистанцию, которую компактная Европа шла около четырех столетий, Россия, выведенная на дорогу модернизации Петром I, была вынуждена преодолеть по просторам одной шестой части земной суши за период почти вдвое короче. Отсюда сталинский прессинг для последнего рывка: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³⁰. Ценой огромных человеческих жертв эта задача была решена.

В результате двух первых пятилеток (1929–1937) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции³¹.

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%³². Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн человек (36%), а в промышленности и строительстве выросла на 8,9 млн (в 3,2 раза)³³. Приведенные цифры советской статистики, видимо, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структурах государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному. В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая исторические прецеденты. Состоялось разделение власти, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения произошли в области

культуры. Ярko выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентиров, правда, с односторонней социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием (без военнослужащих) в 1929–1940 гг. возросло с 521 тыс. человек до 2,4 млн, т.е. с 4,8 до 7,7% всех рабочих и служащих³⁴.

Названные успехи позволили совершить гигантский экономический рывок. За 12 лет масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12,2%, продукции промышленности – 14,5%. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом³⁵.

Модернизация была важна для укрепления обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне Второй мировой войны, знаменовавшей собой очередную историческую схватку за лидирующее место на мировой арене. В 1937–1940 гг. темпы производства военной продукции втрое превышали общепромышленную динамику³⁶. В то время как изготовление боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период Второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время Первой мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы Первой мировой войны³⁷. Именно модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. Она обеспечила централизацию государства, восстановила историческую преемственность великой империи. «Изумительные достижения сталинизма» в области модернизации признает даже такой ненавистник Советской России и апологет западного мира, как З. Бжезинский³⁸.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса и добилась здесь огромных успехов, завоевав мировое признание в качестве великой державы. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы ускорялись в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она имела форсированный и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости ее процессов. В этом коренились причины, сыгравшие позднее негативную роль в трансформации страны, сохранявшей очевидные признаки традиционной империи, в современную постиндустриальную мировую державу.

2. Расцвет Советской державы. Послевоенные годы советской империи отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые беспрецедентные достижения были получены в атомной энергетике, ракетно-космической технике, электроэнергетике, машиностроении и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации. СССР (наряду с США) стал страной, способной производить любой вид промышленной продукции. Тем самым было преодолено стадийное отставание России от индустриально развитых стран мира. В середине 1980-х гг. СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая ведущие места по многим показателям индустриального прогресса. К 1985 г. его промышленная продукция составляла около 85% от американской.

Советская экономика постепенно двигалась к постиндустриальному развитию. В 1989 г. в структуре производственного ВВП на долю услуг приходилось около 32% и более 60% занимало производство товаров. Около 40% занятых в народном хозяйстве РСФСР имели высшее и среднее специальное образование, что вплотную приблизилось к показателям США. Советский приоритет в сфере развития образования и науки широко признавался в мире. В силу этого советская экономика на начальном этапе движения к постиндустриальному обществу была в состоянии справиться с задачами научно-технического прорыва при условии концентрации ресурсов в перспективном направлении. В 1960–1970-х гг. удалось сформировать основу такого технологическо-

го уклада в виде совокупности отраслей (электроника, аэрокосмическая и телекоммуникационная техника), который соответствовал мировому уровню, а по ряду позиций (в аэрокосмической области) превосходил его³⁹. Что же мешало развивать эти успехи?

С середины 1970-х гг., когда новый уклад потребовал активного вытеснения отмирающих и неэффективных технологий, этого не произошло, что привело к падению темпов роста в стране. Культ советской индустриализации была тяжелая промышленность, но в ее структуре слишком большой удельный вес занимали добывающие отрасли, производящие продукцию на экспорт. Сырьевая направленность экономики, с одной стороны, не обеспечивала должного развития высоких технологий, которые приходилось ввозить из-за рубежа, а с другой – обрекала великую страну на роль сырьевого придатка западного мира. С 1970 по 1985 г. стоимость импортных машин и оборудования выросла почти в 7 раз, а их доля в оборудовании, связанном с реализацией капитальных вложений, увеличилась с 13 до 37%⁴⁰.

Решающее влияние на ход экономического развития СССР оказало противостояние с США. Историческое соперничество двух сверхдержав – СССР и США – вместе с возглавляемыми ими военно-политическими блоками породило горы оружия, базировавшегося на достижениях модернизации, и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, использовал 13–17% валового внутреннего продукта страны, что было непомерно много для хозяйственной системы, пытающейся выйти из мобилизационного режима развития. Расходы на оборону возросли с 16.2 млрд руб. в 1950 г. до 51.3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилось с 1135 тыс. человек в 1946 г. до 2850 тыс. в 1956 г. и 4 533 тыс. в 1965 г. (17% занятых в промышленности)⁴¹. В 1980-е гг. на долю оборонного комплекса приходилось уже 20–25% валового национального продукта. Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Для размещения заказов ВПК существовали целые отрасли гражданской промышленности, которые обслуживали миллионы людей. В общей сложности за годы «холодной войны» на нужды обороны было потрачено около 10 млрд долларов⁴². К концу 1980-х гг. Советский Союз опережал любую страну мира по количеству производимых основных видов вооружений. На долю вывоза оружия приходилось до 20% советского экспорта⁴³.

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25 393, а у США – 24 424 боезаряда с соответствующими средствами доставки⁴⁴. Формальный паритет принципиально важен, но нужен ли он был на столь высоком уровне? Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что и рассчитывали США. Советская империя «рухнула... потому, что... финансовый гнет из-за военных затрат оказался ей не по силам», – утверждает Р. Макфарлейн, бывший в начале 1980-х гг. помощником советника президента США Р. Рейгана по национальной безопасности и вошедший в историю американской внешней политики главным идеологом и организатором программы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Макфарлейн полагает, что СОИ была «экономической стратегией, задуманной для того, чтобы разрушить экономику советского государства». «Мы победили в науке и технологии, не в количестве вооружений. Мы обременили вашу страну так, что она этого не заметила, заставили тратить денег больше, чем их было на самом деле», – считает он⁴⁵.

В тесной связи с военно-стратегическими задачами Советского Союза находилась интеграция его хозяйственной системы в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Удельный вес стран-членов СЭВ во внешнеторговом обороте СССР составлял в рассматриваемый период 53–57%. Во второй половине 1960-х гг. доля экспорта СССР в национальных доходах этих стран достигала в среднем 18–20%⁴⁶. Если учесть активные экономические отношения Советского Союза с азиатскими, латиноамериканскими и африканскими странами, то станет ясно, что под его влиянием находилась

чуть ли не четверть мира. Это был апогей геополитического горизонта советской империи.

3. Гибель империи. В последней четверти XX в. над империей сгустились тучи. С одной стороны, их нагоняли ветры мировых перемен уходящего столетия, а с другой – питал внутренний вулканизм советской тектоники, давшей глубокие трещины, из которых поднимались наболевшие проблемы. Мировые перемены проявились прежде всего в кризисах индустриализма и национальной государственности, глобализации мировой экономики и послевоенного устройства мира. Внутренние проблемы Советского Союза накапливались по мере нарастания противоречий между имперской формой его существования и углублением модернизации; гипертрофированным развитием военно-промышленного комплекса и сдерживанием прогресса гражданских отраслей, утверждения в них высоких технологий; жестким укладом командно-административной системы и требованием перемен в обществе. Все это привело к глубокому кризису империи и ее гибели.

Условно можно выделить **три главные причины распада СССР**: историческая предрасположенность; внутренняя эрозия; внешняя «мировая» агрессия. *Первая причина* связана с рассмотренным противоречием империи и модернизации. Хотя развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией, иницируя и постоянно подталкивая ее, она же и уничтожила традиционную империю. А незавершенность российской модернизации, неспособность Советского Союза выйти на постиндустриальный виток развития, в конечном счете, привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу.

Непосредственным поводом к этому послужило объявление, а затем и реализация принципа самоопределения наций, составлявших великую страну. Стремление формирующихся национальных государств разрушить империю – яркий индикатор процесса этнополитической модернизации. Возможность распада советской империи была изначально заложена в тех основах, на которых строился СССР. Все входившие в него республики и созданные в них автономные образования были сформированы по национальному признаку, хотя в некоторых регионах нация, давшая имя республике или автономной области, составляла меньшинство ее населения. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации мира. Право выхода из Союза подтверждалось Конституциями СССР 1936 и 1977 гг., а в последней к тому же был провозглашен безусловный суверенитет каждой союзной республики. Делалось это в пропагандистских целях, для украшения политического фасада: руководители СССР были уверены, что этими правами никто и никогда не воспользуется – вернее, не осмелится воспользоваться.

Действительно, СССР оставался нерушимым, пока существовала строго однопартийная система и страна не вошла в экономический и политический кризис. Но он не выдержал первых же испытаний демократией и свободой. Как только ослабла зависимость руководителей промышленности и сельского хозяйства от центра, директивная плановая экономика оказалась дезорганизованной. Предоставленные самим себе хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив прежнюю систему управления де-факто, до начала рыночных реформ. Сокращение функций министерств и лишение центрального партийного аппарата властных полномочий, возможности устанавливать директивные плановые задания, лимиты снабжения, назначать цены на продукцию разрушили «нервную систему», объединявшую экономическое и правовое пространство СССР.

Административно-политическое деление по национальному принципу такой огромной многонациональной и мультиконфессиональной страны привело к тому, о чем еще в начале XIX в. предупреждал декабрист П. Пестель. Убежденный в неприемлемости федеративного устройства для России, состоящей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политико-административном плане регионов, в своем основном программном документе – «Русской Правде» – выдающийся общественный деятель России писал, что «ежели сию разнородность еще более усилить через федера-

тивное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами»⁴⁷.

Экономический кризис, сочетавшийся с кризисом вертикальных структур власти, усилил рост национального самосознания и стремление к самостоятельности у коренного населения республик. Сепаратизму способствовала также кадровая и национальная политика КПСС. При назначении руководителей партийных и государственных органов, общественных организаций, научных и социально-культурных учреждений преимущества отдавались национальным кадрам, что привело к появлению в республиках национальных элит. Они стали доминировать над «некоренными» национальностями и стремились уйти из-под контроля со стороны союзного центра. Многие национальные лидеры мечтали стать во главе независимых государств.

Модернизация национальных окраин страны способствовала их значительному экономическому и культурному росту, подъему национального самосознания, которое в условиях заката империи начало перерастать в национально-сепаратистские движения, пытавшиеся воскресить нереализованные национальные притязания прошлых эпох. В последний год существования СССР на его территории было зафиксировано свыше 100 таких ситуаций⁴⁸. Они имели глубокие корни, уходящие в предшествующие столетия и даже тысячелетия. Территорию СССР населяли многочисленные народы, пришедшие сюда в разные исторические эпохи с разным цивилизационным багажом. В отличие от стран Западной Европы многие из них вплоть до конца XX в. не прошли стадию формирования гражданского общества, не сложились в многонациональные государства, да и не могли этого сделать в силу уникальной пестроты этнического состава и принципиально иных социально-экономических и внешнеполитических условий.

Вторая причина, порожденная первой, связана с неуклонным нарастанием центробежных тенденций в империи по мере осложнения экономического положения государства и ослабления его политической роли, разложением центральной власти, зарождением в ней предательских элементов, криминогенных кланов, возрастанием претензий национальных элит на окраинах, стремящихся к поиску собственного выхода из затруднительного положения. Она требует более детального рассмотрения.

Долговременная ориентация на экстенсивные факторы индустриального развития привела к тому, что по мере их исчерпания страна оказывалась во все более критическом положении. Масштабы ресурсоемкого типа воспроизводства, характерные для ранних стадий индустриализации, не только не сокращались, но и возрастали, обрекая великую страну на положение сырьевого придатка Запада.

Неспособность советского руководства провести своевременно коррекцию экономического курса привела к тому, что страна споткнулась на переходе от среднеразвитого к зрелому индустриальному обществу. Позднее акцент был сделан на критике индустриальной модели социализма, в то время как кризис переживал и индустриальный капитализм. Если западный мир нашел выход из своего кризиса на пути своевременно-го построения постиндустриального общества, то Россия надолго застряла в самобичевании социализма и упоении диким, давно отжившим капитализмом.

Достигнутое благодаря модернизации относительно высокое благосостояние народа со временем деформировалось, когда советская экономика втянулась в «потребительскую гонку» с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно – соревнования в области вооружений и массового высокого потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик, что трагически сказалось на судьбе России в конце XX столетия.

Мировые достижения советской модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей терял темпы, не поспевая за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и

услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному, но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям.

Сельскохозяйственный труд все более превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волонтаристской политикой на селе сельское хозяйство все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности – в сырье. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могли оправиться до конца Советской власти, когда страна, имевшая максимальные посевные площади на душу населения, импортировала более 40 млн т зерна ежегодно, тратя на это огромные валютные резервы, и оказывалась неспособной преодолеть дефицит продуктов питания. Советская модернизация фактически уничтожила многовековую крестьянскую Россию.

В этом же контексте необходимо отметить неоправданно затратный характер модернизационных преобразований и прогрессирующую потерю качества продукции советской экономики. Трудности начального периода советской модернизации, ограничение потребления, возведенные позднее в норму, привели к тому, что у одной части общества сформировались лимитированные потребности, а у другой развилось стремление получать незаработанное.

Одна из важнейших закономерностей модернизационного перехода, связанная с расширением свободы личности, тоже оказалась деформированной в условиях советской системы. Формально эта свобода гарантировалась конституцией, а на деле она отсутствовала, особенно в экономической сфере, что вело к расширяющейся пропасти между интересами личности и общества, придавало односторонность процессу модернизации.

Советская система хозяйствования становилась все менее эффективной, росла денежная эмиссия, деньги обесценивались, потребительский рынок разрушался. Темпы роста номинальных денежных доходов вышли из-под контроля. Назревала гиперинфляция, грозившая всеобщей разрухой и обнищанием. Стремительно таяли золотовалютные резервы. К концу 1991 г. золотой запас сократился до беспрецедентно низкого уровня – 289,6 т (царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны сохранило к февралю 1917 г. и передало Временному правительству 1,3 тыс. т золотого запаса).

Развивался процесс внутреннего разложения советского общества. Повышался экономический интерес, связанный с личными доходами и собственностью. Все большее значение приобретала близость индивида к товаропроводящей сети. Административный ресурс постепенно конвертировался в личные привилегии, а государство между тем утрачивало монополию на власть, уступая ее политическим кланам, военной и хозяйственной бюрократии. Собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций. Расцвели «черные рынки», через которые перекачивалась все возрастающая часть государственных ресурсов⁴⁹.

Наряду с официальной формировалась теневая экономика, которая вела к постепенному перерождению советского строя и социалистических методов модернизации, усиливала центробежные тенденции. Она существовала всегда, но в годы правления Брежнева, когда возможности развития директивной плановой экономики за счет сверхэксплуатации сельского населения, распродажи нефти и газа были исчерпаны, получила невиданный размах. Многие предприятия, особенно на Кавказе и в Средней Азии, создавали подпольные производства. В те годы теневая экономика обеспечивала, по некоторым оценкам, не менее 25% доходов населения. В первой половине 1980-х гг. оборот теневой экономики достиг 70–90 млрд руб. На дефиците продуктов промышленности и сельского хозяйства вырастали тысячи подпольных миллионеров. К концу

1980-х гг. масштаб теневой экономики увеличился до 120–130 млрд руб., приблизившись к пятой части национального дохода СССР⁵⁰, а к концу 1990-х гг. достиг 50%⁵¹.

Подпольные буржуа («цеховики») в условиях всеобщего дефицита и «черного рынка» сколотили солидные капиталы. Обогащались и чиновники, которые распределяли дефицитные товары и сырье, сотрудничали с «цеховиками». Чем дальше, тем больше они хотели пользоваться своим богатством не тайком, а явно, жить по стандартам западных стран. Многие были готовы создать легальные частные коммерческие структуры и поддержать политиков, обещавших благоприятные условия для коммерции. Апеллируя к либеральным ценностям, теневая экономика тем самым меняла вектор политического развития.

Горбачевская перестройка во второй половине 1980-х гг. и либеральные реформы 1990-х гг. не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. После официально провозглашенного разрыва с социалистической идеологией в духовной жизни российского общества образовался вакуум. Поощрялось возрождение архаических форм социальной, экономической и политической жизни (религиозные организации, сельские сходы, казачий круг и др.).

Третья причина проистекает из поражения страны в «холодной войне» и «мирного» наступления ее главного соперника – США. «Советский Союз потерпел крах не сам по себе, – пишет П. Швейцер, – не потому, что время было на нашей стороне. Если бы Кремль не столкнулся с кумулятивным эффектом СОИ, ростом расходов на оборону, геополитическими препятствиями в Польше и Афганистане, потерей десятков миллиардов долларов в твердой валюте, поступающих за экспорт энергоресурсов, ограничением доступа к технологиям, разумно полагать, что он бы смог выдержать бурю. Советский коммунизм не был организмом, обреченным на самоуничтожение в любой международной среде. Американская политика могла изменить и изменила курс советской истории»⁵².

Известны откровенные признания виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что «победа США в "холодной войне" была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза». В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили гигантского дракона». Тогдашний президент США Дж. Буш после развала Союза заявил, что это «наша победа, победа ЦРУ». Б. Скаукрофт (советник Буша по национальной безопасности) сообщал в своем интервью корреспонденту «Независимой газеты», что его «первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении...»⁵³

За этим стояли специальные программы президентов Р. Рейгана, Дж. Буша, не говоря уже о широко известных директивах предшествующих администраций, начиная со стратегии борьбы с СССР, предложенной в конце Второй мировой войны А.Л. Даллесом⁵⁴. В основе всех этих планов ведения «холодной войны» против СССР лежала установка взорвать Советский Союз изнутри с помощью его разложения и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие. Целью не только США, но и других стран Запада было не просто уничтожение расплзающегося по планете коммунизма, но и ослабление, расчленение Советского Союза, овладение его огромными природными ресурсами в условиях глобализации мировой экономики. Следовательно, это была борьба гигантов за гегемонию в мире, имевшая геополитический, всемирно-исторический характер.

Таким образом, рассмотренные глубинные причины распада СССР имели долгосрочную тенденцию и не могут трактоваться как его автоматический крах в 1991 г. Катализирующую, роковую роль сыграла горбачевская перестройка, которая не имела четкой программы и привела к хаосу в стране. Непродуманная политика уско-

ренного прогресса закончилась стремительным регрессом. В результате номинальный объем ВВП России конца 1990-х гг. соответствовал 15% советского ВВП (1990) и составлял 5% ВВП современных США⁵⁵. Между тем мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития. При декларации курса на постиндустриальное развитие катастрофически терялись и заделы, существовавшие до перестройки. С 1985 по 1997 г. из научной среды ушли 2.4 млн человек. Численность работающих по специальности ученых возвратилась к уровню первых послевоенных лет, а выезд научных работников за рубеж в отдельные годы достигал 300 тыс. человек. Потери, вызванные утечкой за рубеж интеллектуального капитала за годы реформ, составили порядка 60–70 млрд долларов⁵⁶. Широко известны провалы в образовании и потери квалификации рабочих на остановившихся предприятиях. С таким багажом в постиндустриальном обществе делать нечего. Вопрос о судьбе России после крушения СССР остается открытым.

* * *

Российская модернизация стартовала в начале XVIII в. как единственно возможный ответ на вызов времени и Европы, в соревнование с которой вступил Петр I, как основа для военных побед России на западе и востоке. На протяжении последующих трех столетий постоянными императивами империи выступали оборона и экспансия, что не могло не отразиться на ходе российской модернизации. Ядром имперской модернизации России было создание мощного военно-промышленного комплекса, сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. Опыт мировой истории показывает, что только государство, сделавшее фундаментальное открытие в промышленной и военно-технической областях или быстро освоившее такое изобретение, сделанное другими, может претендовать на статус великой державы (great power) или империи⁵⁷. Россия обладала им, создав на уральских металлургических заводах победоносную артиллерию при Петре I, освоив атом в мирных и военных целях при Сталине, но она не смогла удержать империю в микропроцессорном мире конца XX столетия.

В значительной степени это произошло под давлением новой (американской) империи. Да и успехи советской модернизации не означали ее завершения. Мобилизационная экономика обеспечила беспрецедентный рывок для модернизационного перехода, но он не был закреплен необходимым механизмом саморазвития, что породило кризис системы. Несмотря на огромные изменения в мире, она двигалась в направлении, заданном в 1930–1950-е гг. Сама модернизация осуществлялась путем «революций сверху» (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, сталинские преобразования) и охватывала преимущественно технологическую, военно-промышленную сферы и систему управления, не подкрепляясь в достаточной степени политическими и социальными преобразованиями⁵⁸.

В ходе процесса модернизации под влиянием демократизации, усилившейся самодостаточности регионов, атомизации общества и его региональных структур, уменьшения вероятности иноземного захвата территорий в условиях атомного противостояния узлы, скреплявшие централизованное государство, ослабли. С одной стороны, это есть проявление общемировых тенденций XX столетия, распада в ходе модернизации империй и образования национальных государств, а с другой – выражение системного кризиса, потери управляемости страной. В итоге вместо многовековой тенденции к централизации Российского государства, укреплению его имперского могущества в последнем десятилетии XX в. произошла его дезинтеграция, и империя рухнула.

Примечания

¹ <http://www.rambler.ru/db/news/8.12.2001>.

² <http://www.slovo.odessa.ua/10.08.2001>.

³ Вардоский Л.Б. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 112–113.

⁴ Брумберг А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия? Вып. 2. М., 1995; Грачев А. Подлинная история распада Союза. Кораблекрушение Горбачева // Новое время. 1993. № 24; Джунусов М. Союз народов – союз сердец: Анатомия развала великой державы // Правда. 1995, 29 декабря. С. 2; Жириновский В.В. Как «демократы» разрушали Союз ССР // Жириновский В.В. Политическая классика. Т. 10. М., 1997. С. 83–188; Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» (очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 10, 11; 1995. № 1, 2, 4; Златопольский Д.Л. Расхождение СССР. (Размышление о проблеме). М., 1998; Кортунов А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993; Косолапов Н.Н. От союзного договора к распаду Союза: логика дезинтеграции // СНГ: надежды, иллюзии и действительность. М., 1995; Костина Р.В. О причинах распада социалистических федераций // Отечественная история. 1993. № 5; Кравчук Л.М. Крах СССР и перспективы СНГ // Независимая газета. 1998, 21 января. С. 11; Межуев В.М. Империи создают гиганты, а разрушают пигмеи // Правда-5, 1997, 28 января. С. 1, 2; Ручкой А. Кто и как развалил СССР? // Наш современник. 1995. № 12; Рогозин Д.О. Формула распада. М., 1998. С. 4; Слободкин Ю.М. Кто разрушил СССР и распял Россию. Л., 1995; Челнок М.Б. Россия без Союза, Россия без России... М., 1994; Тишков В.А. Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6; Тягуненко Л.В. Причины и последствия распада югославской и советской федераций // Вестник научной информации. 1996. № 4; Уткин А.И. Почему исчез Советский Союз: Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // Независимая газета. 1997, 31 декабря. С. 11; Чешко С.В. Распад Советского Союза; этнополитический анализ. М., 1996; Яковлев А. Новый Советский Союз. М., 1995. С. 17; Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин, Горбачев? // Независимая газета. 1997, 16 января (НГ-сценарии. С. 1, 4–5); и др.

⁵ Акопов С.С., Гуреев Н.Д. История России. 1953–1996. Личности и эпохи. М., 1997. С. 557–680; Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М., 1996. С. 236–254; Верт Н. История Советского государства. М., 1995. С. 519–528; Геллер М.Я. Глазами историка. 1990–1995. М., 1996; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998. С. 702–711; Хоскинс Д. История Советского Союза (1917–1991). Смоленск, 2000. С. 433–488 и др.

⁶ Алексеев В.В. От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 8–25; Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М., 2001; Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 108–148; Бондарев В. Самораспад: Можно ли говорить о закономерностях развала СССР? // Родина. 1993. № 4; Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994. С. 91–108; Ульянов В.М. Кризис СССР. Причины и последствия. М., 1999; Чешко С.В. Указ. соч.; Шишков Ю. Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8.

⁷ См.: Афанасьев Ю.Н. Неопределенное прошлое // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 633–657; Медведев Ж.А. Не гонка вооружений погубила СССР // Международная жизнь. 1998. № 1; Певзнер Я.А. Мировая революция: великая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 67; Сахаров А.Н. О причинах саморазрушения СССР // Советское общество: возникновение развитие, исторический финал. Т. 2. С. 615; е го же. История все расставит по своим местам // Россия и современный мир. 1995. № 4. С. 23; е го же. К вопросу о причинах распада СССР // СССР и «холодная война». М., 1995; Стратегия для России: 10 лет СВОП. М., 2002. С. 137–138.

⁸ Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // <http://www.vyborg.ru/2000> вып. 1; Виноградская Т. Распад СССР как системный фактор национальных конфликтов // Обозреватель. 1993. № 7; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999; Капелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000; Стратегия для России: 10 лет СВОП. С. 138; Carriere d'Encausse H. L'Empire eclate. Paris, 1980; idem. Le Gloire des nations: ou le Fin de l'Empire Sovietique. Paris, 1990; Szporluk R. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR. The Russian Question and Imperial Overextension // The International Politics of Eurasia. Vol. 9. The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha, V. Parrot. N.Y.; L., 1997. P. 65–66.

⁹ Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. С. 63, 353, 354.

¹⁰ Schweizer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994. P. 282.

¹¹ Игрицкий Ю.И. Россия в меняющемся мире: геополитические последствия системной трансформации. М., 2000. С. 9; Сахаров А.Н. История все расставит по своим местам. С. 23; е го же. К вопросу о причинах распада СССР.

¹² Затулин К.Ф. Последствия распада СССР и будущее Содружества // Независимая газета. 1996, 15 декабря; Леонов Н.С. В тени измены // Русский Дом. 1997. № 1. С. 34–37; Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1998. С. 401, 425–433; Рыжков Н.И. Я из партии по имени «Россия». М., 1995. С. 107; Шенин О.С. Родину не продавал, а меня обвинили в измене. М., 1994. С. 42; Хасбулатов Р. Распад СССР не был неизбежным // Правда. 1992, 29 декабря. С. 2.

¹³ <http://www.romir.ru/socpolit/actual/25.12.1999>.

¹⁴ Бурацкый Ф.М. Русские государи: Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 333.

¹⁵ Травин Д. Новый мир старой империи. Модернизация в Австро-Венгрии // <http://www.idel.ru/213/25.html>.

¹⁶ Назарбаев Н. Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 41; Драгунский Д. Распад во спасение // Итоги. 1996. № 32. С. 11.

¹⁷ См.: Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на международной научной конференции 21–24 июня 2001 г. Т. 1. М., 2002.

¹⁸ Развиваемый в статье подход был апробирован нами на международных конференциях «Причины распада СССР и его влияние на Европу» (Пекин, май 2000 г.); «Распад СССР и глобальный кризис капитализма» (Варна, август 2001 г.), а также на Урало-Сибирских исторических чтениях, посвященных 275-летию РАН (Екатеринбург, апрель 1999 г.).

¹⁹ Сформулировано на основе анализа следующей литературы: Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4/5; Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997; Империя нового времени: типология и эволюция (15–20 вв.). Вторые Петербургские Каревские чтения по новистике. 22–25 апреля 1997. СПб., 1999; Каспэ С.И. Империя: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5; е го же. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // Восток. 1991. № 4; Лурье С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность. 1996. № 4; е же. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Там же. 1997. № 4; Феоктистов Г.Г. Империя как тип структурного деления мира. (Опыт классификации) // Там же. 2000. № 2; Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6; Chopard-Le Bras A. Empire // Dictionnaire constitutionelle. P. 39; Doyle M. Empires. Ithaca: Cornell University Press. 1986; Eisenstadt S.N. Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. V. N.Y., 1968; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987; le concept de l'empire / Ed. M. Duverger. Paris, 1980; Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y., Oxford, 1997; Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union. N.Y., 1992; Paden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France. С. 1500 – 1800. New Haven, 1995; The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha and V. Parrott. N.Y., L., 1997.

²⁰ Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7–9; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997. С. 88–89.

²¹ Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Указ. соч. С. 32–36.

²² Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / Под ред. академика В.В. Алексеева. М., 2000. С. 8.

²³ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 59.

²⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1948. С. 288.

²⁵ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 57.

²⁶ Стародубровская И.В., Мау В.А. Указ. соч. С. 65.

²⁷ Там же. С. 77.

²⁸ Каспэ С.И. Империя: генезис, структура, функции. С. 45.

²⁹ Е го же. Империя и модернизация. С. 83.

³⁰ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 329.

³¹ История советского рабочего класса. Т. II. М., 1987. С. 426–427.

³² Там же. С. 199.

³³ Белоусов А. Становление советской индустриальной системы (1) // Россия XXI век. 2000. № 2. С. 36.

³⁴ Там же. С. 35.

³⁵ Там же. С. 39.

- ³⁶ Там же. С. 41.
- ³⁷ Олсон М. Возвышение и упадок народов / Пер. с англ. М., 1997. С. 411.
- ³⁸ См.: Бжезинский З. Между двумя веками. М., 1972. С. 136–139.
- ³⁹ Рязанов В.Т. Кризис индустриализма и перспективы развития России в XXI в. // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 508–511.
- ⁴⁰ Вишневский А. Указ. соч. С. 60.
- ⁴¹ Белоусов А. Указ. соч. (2) // Россия XXI век. 2000. № 3. С. 49.
- ⁴² Горбачев М.С. Верх взяло революционное разрушительство (Беседа) // Постиндустриальный мир и Россия. С. 441.
- ⁴³ Вишневский А. Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁴ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
- ⁴⁵ Цит. по: Наумов Н.В. Исторические аспекты развала СССР // <http://law.pp.ru/stt.php?rd=konstp&what=showdetail&num=1&page=0>.
- ⁴⁶ Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 41.
- ⁴⁷ Пестель П.И. Русская Правда. Гл. 1. § 4 // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М., 1958.
- ⁴⁸ Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? // Полис. 1993. № 6. С. 8.
- ⁴⁹ Белоусов А. Указ. соч. (1). С. 57, 77.
- ⁵⁰ Платонов О.А. Указ. соч. Т. II. С. 386, 539.
- ⁵¹ Куликов А. Преступление и наказание // Слово не воробей... М., 2001. С. 143.
- ⁵² Schweitzer P. Op. cit. P. 282.
- ⁵³ Цит. по: Вдовин А.И., Корецкий В.А. Указ. соч.
- ⁵⁴ См. подробнее: там же; Широных В.С. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 77.
- ⁵⁵ Стратегия для России: 10 лет СВОП. С. 471–472.
- ⁵⁶ Иноземцев В.Д. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 273.
- ⁵⁷ Запарий В.В., Личман Б.В., Нефедов С.А. Технологическая интерпретация новой истории России // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Материалы международной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 143–150.
- ⁵⁸ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Указ. соч. С. 91–92.

© 2003 г. М. А. ФЕЛЬДМАН*

КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ГОДЫ НЭПА

Изменения в культурном уровне рабочих Урала в 20-х гг. XX в. были не столь глобальными, как это представлялось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов того времени о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»¹ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом. В мировоззрении рабочих в значительной мере сохранились присущие им консервативно-патриархальные представления, актуализировались традиционалистские парадигмы сознания и менталитета², что способствовало сохранению прежнего культурного уровня рабочих. В наибольшей степени это касается рабочих бывших казенных заводов. Вывод Л.Н. Бехтеревой, оценившей образ жизни потомственных рабочих Ижевских заводов в 1920-е гг. как «нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного университета.